

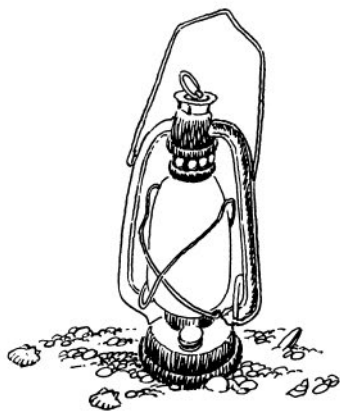
ОСТРОВ
60°7'12" С. Ш.
25°45' 50" В. Д.

РИНСКИЙ ЗАЛИВ

ТУВЕ ЯНССОН

ПАПА
И МОРЕ

АЗБУКА

Санкт-Петербург

ГЛАВА ПЕРВАЯ

СЕМЬЯ В СТЕКЛЯННОМ ШАРЕ

Вечером в конце августа один папа бродил по саду, ощущая полную свою бесполезность. Он не знал, чем себя занять, — за что ни возьмись, дело или уже было сделано, или его делал кто-то другой.

Папа бесцельно кружил по саду, а за ним по иссохшей земле печально тащился его хвост. В долине стояла удушливая жара, всё кругом было тихим, неподвижным и слегка припылённым. Это был тревожный месяц, месяц больших пожаров.

Папа неоднократно предупреждал всю семью. Он объяснял, чем опасен август. Он в красках изображал, как пылает долина, бушует пла-

мя, тлеют стволы и расползаются подо мхом торфяные пожары. Столбы пламени, взмывающие к небу! Волны огня, которые подкатывают к самой долине, убегают к морю...

— ...и с шипением бросаются в него, — мрачно и торжественно заключал папа. — Всё черным-черно, всё покрыто пеплом. Какая огромная ответственность лежит на каждом из нас, до самого последнего кнютта, на каждом, кому могут попасть в лапы спички!

Остальные отвлекались на секунду, чтобы сказать:

— Точно-точно. Именно так, — и возвращались к своим занятиям.

Они всё время были чем-то заняты. Тихо, увлечённо, непрерывно возились они с мелкими делами, которым нет конца. Их отдельный, собственный мир был чётко очерчен, в него нечего было добавить. Как карта, на которой не осталось белых пятен: всё уже открыто и заселено. И они говорили друг другу:

— В августе папа всегда заводит речь о пожарах.

Папа поднялся по ступенькам. Когда он шёл к плетённому креслу, лапы привычно липли к покрытому лаком полу веранды и с чпока-

нем отлипали. Хвост тоже прилипал, и казалось, будто кто-то за него дёргает.

Папа уселся и закрыл глаза. Пол надо бы перелакировать, из-за жары он стал липким. Хороший лак не должен так плавиться. Видно, в прошлый раз попался какой-то не такой. Сколько уже лет этой веранде? Да, пора. Но сначала придётся зачистить пол наждачной бумагой — муторная работа, которой никто не оценит. То ли дело водить широкой, блестящей от лака кистью по новеньким белым половицам! Чтобы не мешать, все будут ходить через чёрный ход, пока не пустишь их внутрь и не скажешь: «Вот вам новая веранда!» Какая всё-таки жарница. Отправиться бы куда-нибудь под парусом. Выбраться в море, в открытое море...

Папа почувствовал, как сон прокрадывается к нему в лапы, дёрнул плечами и зажёл трубку. Спичка в пепельнице ещё не погасла, и он с интересом наблюдал за ней. Не давая ей догореть, он оторвал несколько клочков газеты и подложил в огонь. Получился славный маленький костерок, еле заметный в солнечном свете, но очень красивый. Папа внимательно следил за ним.

— Сейчас погаснет, — заметила малышка Мю. — Подложи ещё бумаги.

Оказывается, она сидела в тени перил.

— А, опять ты здесь. — Папа тщательно потряс пепельницу, гася остатки. — Я изучаю, как ведёт себя огонь, это очень важно.

Мю засмеялась, бесцеремонно его разглядывая. Папа надвинул шляпу на глаза и погрузился в сон.

— Папа! — позвал Муми-тролль. — Проснись. Мы потушили пожар!

Обе папины лапы прилипли к полу. Папа рывком оторвал их, чувствуя, что его постигла чудовищная несправедливость.

— Что ты несёшь? — осведомился он.

— Правда, настоящий маленький пожар, — заверил его Муми-тролль. — За табачной грядкой. Там загорелся мох, мама сказала, что, наверное, залетела искра из трубки...

Папа выпрыгнул из кресла, внезапно охваченный жадой деятельности. Шляпа упала и скатилась по ступенькам.

— Мы его уже потушили, — крикнул ему вслед Муми-тролль. — Потушили сразу же, не волнуйся!

Папа резко остановился, от жары вдруг стало трудно дышать.

— Потушили? Без меня? Почему же никто меня не позвал? Оставили меня спать в полном неведении!

— Дорогой, — откликнулась из кухонного окна мама, — ну никакого смысла не было тебя будить. Совсем маленький пожарчик, только мох чуть-чуть задымился. А я как раз шла мимо с ведром и плеснула на него...

— Шла мимо! — вскричал папа. — Плеснула! Плеснула, надо ж такое сказать! И оставила источник огня без присмотра! Где он? Покажите!

Мама бросила свои дела и поспешила впереди папы к табачной грядке. Муми-тролль остался наблюдать с веранды. На мху чернело крошечное пятнышко.

— Кто-то, кажется, думает, — медленно заговорил папа, — что это пятнышко совершенно безобидно. Как бы не так. Пламя, понимаешь ли, может распространяться подо мхом. Под землёй. Целыми часами, а то и днями, а потом вдруг — пуфф! — огонь вылетает из-под земли совсем в другом месте. Понимаешь?

— Да, дорогой, — ответила мама.

— И поэтому я остаюсь здесь, — сказал папа, с недовольным видом поковыряв мох. — Буду стеречь его. Всю ночь, если понадобится.

— Ты правда собираешься... — начала было мама, но вовремя спохватилась: — Конечно, спасибо тебе огромное. С этими мхами никогда не знаешь наверняка.

Папа караулил чёрное пятнышко целый вечер. Повыдёргивал вокруг него весь мох. Он не согласился даже идти ужинать. Ему хотелось пообижаться.

— Как думаешь, он и на ночь там останется? — спросил Муми-тролль.

— Всё может быть, — кивнула мама.

— Злиться так злиться, — заметила малышка Мю, сдирая зубами мундир с картофелины. — Иногда это полезно, и у каждой маленькой малявки есть на это право. Но Муми-папа злится неправильно — держит всё в себе и ничего не выпускает наружу!

— Деточка, — проговорила мама, — папа сам всё понимает.

— Не думаю, — честно сказала малышка Мю. — Ничего он не понимает. А вы?

— Да и мы, — призналась мама.

Папа сунул морду в мох и почуял горьковатый запах дыма. Земля уже даже остыла. Папа вытряхнул трубку и раздул искры. Они помер-

цали секунду и погасли. Папа попрыгал обеими лапами на нехорошем месте и поплёлся в сад — заглянуть в стеклянный шар.

Темнота, по обыкновению своему, выростала из-под земли и сгущалась под деревьями. Вокруг стеклянного шара было посветлее. Он покоился на постаменте из морской пенки, и в нём отражался весь сад. Это был папин, неоспоримо папин шар, его собственный, волшебный, сверкающе-синий — центр сада, долины, а то, пожалуй, и всей Земли.

Папа не сразу заглянул в него. Он сперва осмотрел свои закопчённые лапы и попытался припомнить все неясные и ускользающие горести. И когда сердце исполнилось такой тяжести, что дальше некуда, он посмотрел на шар, ища утешения. Шар всегда утешал его. Этим долгим, тёплым, бесконечно красивым и печальным летом папа приходил к нему каждый вечер.

Шар был прохладный, а его синева — глубже и яснее морской, и весь мир становился в нём прохладным, чужим и далёким. В центре мира папа видел себя, собственную растянутую морду, а вокруг отражался изменённый, как во сне, пейзаж. Синяя земная твердь была далеко-да-

леко внизу и в глубине шара, и там, в недостижимой дали, папа стал искать своё семейство. Они всегда приходили, если он ждал. Стекло-ный шар всякий раз отражал их.

Они, конечно, продолжали суетиться и в сумерках. Они же всё время чем-то заняты. Вот Муми-мама выбежала из кухни в погреб за колбасой или маслом к вечернему чаю. А может, проведать картофельную грядку. Или

принести дров. И всякий раз у неё был такой вид, будто она идёт по совсем новой и ужасно интересной дороге. Хотя поди знай. Может, на самом деле она и направляется за какой-нибудь тайной приятностью. Или просто играет сама с собой и бродит туда-сюда, чтобы ощутить себя живой.

Она возникала там всякий раз, похожая на пустрый белый шарик, откуда-то сзади, из самой синей глубины. Там бродил, погружённый в собственные мысли, Муми-троль, там пробегала вверх по склону малышка Мю, точнее, глаз различал только движение, а Мю почти не было видно — только тень кого-то смелого, решительного и такого независимого, что ему нет нужды выставляться и показываться другим на глаза. Но там, в отражении, все они становились неправдоподобно крошечными, а их движения — растерянными и беспорядочными.

Муми-папа любил смотреть на них. Это была его ежевечерняя игра. Он представлял, что они нуждаются в защите, что они погружаются в глубокое море, о котором знает только он.

Уже почти стемнело. И вдруг внутри шара снова что-то произошло — он ярко засветился. Муми-мама зажгла на веранде лампу — она

не делала этого всё лето. Лампа загорелась, и вся безопасность оказалась вдруг сосредоточена в одном месте, на веранде и нигде больше, и мама сидела там же и ждала своих к вечернему чаю.

Шар погас, синий пейзаж потемнел, не было видно ничего, кроме лампы.

Папа постоял мгновение, думая сам не зная о чём, потом повернулся и пошёл домой.

— Ну что ж, — сказал папа, — думаю, теперь мы можем спать спокойно. На этот раз опасность миновала. Но я на всякий случай встану на заре и проверю ещё раз.

— Ха! — сказала малышка Мю.

— Папа! — воскликнул Муми-тролль. — Ты ничего не замечаешь? Мы зажгли лампу!

— Да, я подумала, что уже настало время для лампы — вечера стали такими длинными, — сказала мама. — Сегодня я это прямо ощутила.

— Но ты положила конец лету, — сказал папа. — Ведь лампу зажигают, когда лето кончается.

— Зато теперь начнётся осень, — примирительно сказала мама.

Лампа горела и посвистывала. От неё всё делалось надёжным и близким — тесный круг семьи с его чувствами и чаяниями, а по другую сторону круга лежало всё чуждое и непрочное, всё, что наращивало тьму ввысь и вширь, до самого края света.

— В некоторых семьях спрашивают у отца, прежде чем зажигать лампу, — пробормотал папа в чашку.

Муми-тролль выстроил бутерброды в обычном порядке: первый с сыром, потом два с колбасой, а после них холодная картошка с сардинами и джем. Он был совершенно счастлив. Мю, чувствуя, что вечер сегодня необычный, ела только сардины. Она задумчиво таранилась в темноту, и глаза её, пока она ела и думала, становились всё темнее и темнее.

Свет лампы ложился на траву и кусты сирени и, уже слабея, подбирался к тени, где пряталась в одиночестве Морра.

Морра сидела там так долго, что лужайка под ней успела заледенеть. Когда она встала и потянулась поближе к свету, трава захрустела, как стекло. Шёпот ужаса пробежал по листве, несколько кленовых листьев свернулись и, трепеща, слетели Морре на плечи. Астры

отклонялись от неё, как только могли. Сверчки умолкли.

— Почему ты не ешь? — спросила мама.

— Сам не знаю, — ответил Муми-тролль. — А у нас есть плотные шторы?

— Они на чердаке, — ответила мама. — Мы достаём их, когда начинаем готовиться к зимнему сну.

Она повернулась к папе:

— Дорогой, ты не хочешь, пока горит лампа, заняться своим маяком?

— Пф, — ответил папа. — Детские забавы. Он меня больше не интересуется.

Морра придвинулась ещё ближе. Она таращилась на лампу и покачивала большой тяжёлой головой. Холодная белая дымка вилась вокруг её ног. Морра медленно заскользила к лампе, огромная серая тень одиночества. Стёкла тихонько зазвенели, как от далёкого грома, сад затаил дыхание. Морра была уже возле крыльца, она остановилась в темноте, там, куда не попадал очерченный на земле квадрат света.

И тут она быстро шагнула к окну, так что свет ударил ей в лицо. С веранды немедленно послышались вскрики, там всплёскивали руками, роняли стулья, лампу унесли прочь, и в мгновение

ока стало темно. Все спрятались в дом, куда-то в самую его сердцевину. Вместе с лампой.

Морра постояла немного, надышала инея на опустевшее окно и слилась с темнотой, заскользила прочь. Трава со звоном ломалась от её шагов, звук становился всё дальше, всё тише. Сад вздрогнул, роняя листья, и снова задышал: Морры больше не было, Морра снова была далеко.

— Это совершенно лишнее — баррикадироваться и не спать всю ночь, — сказала мама. — Морра, конечно, опять что-нибудь испортила в саду. Но она не опасна. Ты же знаешь, что она не опасна, несмотря на то что она такая отвратительная.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ
Семья в стеклянном шаре

7

ГЛАВА ВТОРАЯ
Маяк

27

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
Западный ветер

75

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ
Норд-ост

102

ГЛАВА ПЯТАЯ
Туман

135

ГЛАВА ШЕСТАЯ
Убывающая луна

165

ГЛАВА СЕДЬМАЯ
Зюйд-вест

186

ГЛАВА ВОСЬМАЯ
Смотритель маяка

224